

НОС КАК НОС

Как-то на новогодние праздники мама повела нас в лучший кинотеатр города Тамбова «Родина» — смотреть комедию. Их тогда снимали для всей семьи, чтобы сделать приятное сразу и детям, и родителям. Фильм забыл, но отлично помню, как, сидя в темноте, вдруг почувствовал — что-то мешает мне смотреть на экран, что-то прямо передо мной! Скосил глаза и... впервые увидел кончик своего носа! Того самого носа, который до сих пор не мешал мне смотреть!

Честно говоря, я едва дождался конца сеанса. Выбежав на свет улицы, я принялся, кося глазами, рассматривать то, что еще совсем недавно не представляло из себя никакой проблемы! Мама испуганно спросила: «Что случилось?» — «Посмотри на мой нос! Какой он огромный! Он мешает видеть, мама!» На мой внезапный ужас мама спокойно и строго сказала: «Не говори глупости. Нос как нос...»

Благодаря подросшему носу я ближе познакомился с зеркалом. И уже через пару лет понял, что нос у меня не собирается

останавливаться на достигнутых размерах, а действительно превращается в огромный шнобель! Уже и во дворе нет-нет да окликнут: «Эй, носатый!» Потом начнут приглядываться в школе к моему носу одноклассницы, прыская в уши друг другу, а когда на улице впервые обозвал меня «носатым» незнакомый и вполне равнодушный человек, я окончательно поверил, что — урод! Как маленький Мук... Проблема стала настолько острой, что привиделся сюрреалистический сон: ветер, дуя в нос, как в парус, разворачивал и отрывал меня от земли!

Сближение с зеркалом, благодаря носу, в итоге прирастило к изучению собственной мимики, затем к тематическому кривлянию, передразниванию всех и вся, а закончилось к семнадцати годам «твердым» намерением стать артистом. О чем я и сообщил переглянувшимся родителям. Причем оба, не сговариваясь, посмотрели на мой нос рассеянными глазами.

Папа с сомнением в голосе сказал: «Может, на режиссерский?» Я уточнил: «Это почему же?» На это папа убедительно объяснил, насколько профессия режиссера значительнее, интереснее, независимее, а потом и вовсе вдруг добавил: «Если надумаешь, я договорюсь с Герасимовым и Роммом, они с тобой поговорят, побеседуют. Оба скоро будут набирать курсы во ВГИК... а там решишь. Но вообще-то, сынок, прежде чем снимать фильмы, надо обзавестись знаниями и жизненным опытом. Чтобы быть интересным другим, понимаешь?»

Так вот деликатно отец и уберег меня от двух ошибок сразу. Потому что, хоть я и был обладателем выдающегося носа, а мозг все-таки имел. Правда, сожалею теперь, что не отважился на беседы с самим Михаилом Роммом и самим Сергеем Герасимовым, великими кинорежиссерами советского исторического периода. Просто ради знакомства и общения с глазу на глаз. Жалею очень. Но тогда... тогда не хотел подвести отца. А вдруг они бы подумали обо мне: «Э-э, да он не только носатый, но и дурень...» Папе было бы неприятно...

Все это вспомнилось и прокрутилось в голове, пока я смотрел на своего младшего сына за недавним новогодним столом. У него тоже в последнее время заметно увеличился нос. Интересно, увидел он его, как я в свое время, или все еще впереди?..

СМОТРЕТЬ ИЛИ СЛУШАТЬ?

Андрей Кончаловский в очередной раз «закрыл» ВГИК. Зачем учить на актера, если не актеры играют лучше? Попробуй переиграй собаку, ребенка или настоящего запойного пьяницу! Шиш! Смотришь его фильм «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» (2014 год) и невольно думаешь: «Да-а-а! Вот он, пришел — "большой брат" — со своим киноглазом и рассмотрел "обыкновенный народ" в его, так сказать, естественных условиях обитания». Ну, может, что-то и подправил, и сгустил, так сказать, уху (сценарий-то написан заранее?), однако индугенция от возможных возражений — она там, за голенищем сапога главного «героя», который сам и симулирует свою жизнь. И чем естественнее, натуральнее «играет» он себя, (как и все остальные реальные люди деревни), тем неподсуднее режиссер.

И что тут делать критике?

Автор говорит — да ничего тебе тут делать не надо! Ну разве что повосхищаться «незаметностью» авторов, незаметности «киноглаза», исполнительской виртуозности этого самого «большого брата» — я о знаменитом телевизионном приеме, основанном на незаметной и длительной съемке людей в смоделированной среде, но на документальной основе.

В новом фильме о «Тряпицыне» (нарочно, что ли, Кончаловский выбирает такие фамилии?) Кончаловский, в отличие от «Аси Клячиной» — не частично, а совсем сбежал от актеров. И здесь он не так зол, не так требователен к народу, он его даже перестал по-стегивать «барским» своим кнутишкой — за неприятные любому европейцу несовершенства плохо организованного и оттого мало понятного бытования.

Войдя в реальную избу, присев на кровать настоящего русского мужичка, услышав ЕГО ушами «марсианскую» чушь современного телящика, увидев ЕГО глазами односельчан, а СВОИМИ — терпеливую смиренность своего героя и потрясающую красоту русского пейзажа, которая словно бы говорит с обидой и тоской: «Когда же ты, милый человек, будешь мне под стать?!» — Кончаловский трудно и искренне вздохнул! Для подобного

«головастика» — событие, сродни подвигу! В фильме нет слезы. Да и смешно ждать ее от «мозговитого» Кончаловского. Но вздох все же есть. Что-то НОВОЕ Андрей Сергеевич в своем не очень счастливом народе разглядел. Да, может, и в себе самом? Отчасти даже удивительно, как такой явно некоммерческий проект «прозвучал» на Венецианском фестивале.

Да-а-а! Вздохнуть-то вздохнул, но — правду-то открывшуюся недосказал. И себе недосказал тоже. Подвесил, как говорится, вопрос на гвоздь...

И вот что еще любопытно, друзья. Теперь уже не «большой брат», а старший брат и брат младший — Михалковы — словно бы поменялись местами. Один от грандиозной эпопеи «Сибиряда» пришел к камерному кино, а другой, Никита, от камерного (Чехов, Гончаров, Володин) переместился в эпопеи «Утомленные солнцем», «Солнечный удар». И это, возможно, солнечное «затмение» для обоих. Как бы в итоге не случилось страшное для всех нас — слушать их окажется интереснее, чем смотреть...

АРБУЗ С ДОНА

Брат Михаил каждый божий год привозит с Дона арбузы. Почему с Дона? Да потому, что лет тридцать уже ловит там рыбу, охотится и пьет водку с местными казаками.

Я представляю так: едет Миша вдоль астраханской бахчи и думает всегда одинаково: «А что бы не привезти всем по арбузу, коли их тут валяется немерено?» Миша останавливает машину, заходит в поле, и, не торопясь, собирает, как футбольные мячи, полосатые ягодные сферы. Штук семь-восемь, ну, десять...

А в этом, юбилейном как никак, году — я опять же представляю — Миша, притормозив напротив бахчи, говорит жене: «Я сейчас! Пойду Вовке на юбилей гарбуза подберу!» — и выходит в поле. Про свою жену Миша, когда добреет после пары-тройки рюмок, частенько замечает с очевидной любовью: «И мой сурок со мною!..» Нина маленькая, а он большой, раза в три больше Нины. Но Миша не любит ездить куда бы то ни было без своей

миниатюрной жены. Рядом с Мишей Нина на сурка тянет вполне. И вот Мишин «сурок» терпеливо сидит в машине, смотрит на дорогу, а Михаил стоит в поле, и, зорко прищурив опытный глаз рыбака и охотника, шарит им по арбузным грядкам.

В этот момент арбузы, конечно, замирают всем новеньким урожаем, и в миллион глаз пялятся на Мишу. И каждый с той же мыслью думает: «Мужик, выбери меня!» Но Миша помнит, что день рождения не рядовой, и потому ищет глазом особенный, выдающийся арбузный экземпляр. И, к несчастью, находит.

Когда уже в Москве мы с Михаилом перегружали «подарок» в мое авто, со стороны могло показаться, что кантуем мы не арбуз вовсе, а взрослого хряка-рекордсмена с ВДНХ, которого вся какая-нибудь деревня специально для выставки откармливала, сама не доедая, включая малышей! И даже еще хуже могло показаться со стороны, если бы наблюдал за нами, скажем, любитель криминального телеэфира, например, НТВ. Разве не могло этому извращенцу прийти в голову, что мы перепрятываем из одного багажника в другой, вообще труп! Такой это был специфический по размерам экземпляр, который Михаил на мою голову довез до Москвы.

В итоге закатали мы полосатого бугая кое-как за дверь, обливаясь потом, и щедрый брат Миша отправился к себе, а я остался с чудовищной ягодой один на один-одинешенек, поскольку домашние все в летней отлучке.

Тут и осенило — одному с юбилейной ягодой теперь мне не справиться! Я малодушно прикрыл в пустующей комнате дверь и страшным усилием воли заставил себя не думать об этом аномальном арбузе, неожиданно осложнившим мой тихий задумчивый быт.

Вспомнил про него только через пару дней, неосторожно включив утром Первый канал, где в передаче «Жить здорово!» Елена Малышева, как назло, стала расписывать чудодейственные свойства арбуза.

Однажды, в начале нулевых, трудясь еще на Первом, застал я Малышеву на парковке — Лена пыталась покорить, как вершину Килиманджаро, свою новую машину «Лэнд круизер-200».

— Зачем тебе такая большая! — оторопел я.

— А нравятся мне большие! — простодушно ответила Лена и хвастливо добавила: — Муж подарил!

Я перешел на другую сторону улицы Королёва и увидел, как, проезжая мимо на своем монстре, Лена помахала ручкой, словно близорукий веселый воробушек крылышком из просторной собачьей будки. Между прочим, скольким людям она помогла в Останкино, пользуясь своими обширными медицинскими связями — по части разных болезней! Святой человек! Такому все простишь, любую экстравагантность, включая эфирные!

И вот, глядя на Малышеву, вспомнил опять про своего «лэнд крузера» и пошел на него посмотреть. Увы, меньше полосатый не стал. Я сел на него и пустился размышлять, как расчленить несуразного, чтобы не волочь в кухню, поскольку пупок у меня один, а надорвать его я не собирался однозначно.

Подумал даже — не рубануть ли его напополам шашкой, которая без дела висит над письменным столом? Подсуну клеенку под здоровяка и — ах! Как легендарный кавалерист Семён Михайлович Будённый рубил, красный командир. Говорят, рубил до самого седла. Вот уж разлетятся семечки по квартире от такого ужаса!

Но передумал. Нечего унижать клинок. Придется выбирать на кухне нож, чтобы завалить «хряка». В раннем детстве краем глаза видел, как приуготавливались мужики села Арапова резать хрюнделя. Когда один из мужиков подошел к нему с длинным-длинным ножом, тот так заорал, что я вместе со всей местной мелюзгой драпанул на другой конец деревни. Оттуда мы и слушали, как умирает свинья.

Стало быть, вспоминаю я взволнованно-лирично хрюшу, убиенную в Арапово, а сам вдумчиво подбираю нож. Полосатая ягодища молчит в комнате за дверью, притаилась. Думает, наверное, что, может быть, я ее не найду или забуду о своем намерении...

Но как тут забудешь? Брат Михаил сказал, что долго арбуз не пролежит, какой-то эдакий сорт. Вот же влип я!

Ножа серьезного на кухне не нашлось, я полез в особый ящик, где скопились целой бандой надаренные мне охотничьи, как будто я знаменитый Чингачгук, и мне позарез нужен большой ножичек, как у бывалого австралийца Крокодила Данди.

Выбрав самый страшный и толстый, я опять сел на арбузно-го борова, прицелился и ... с треском проткнул его между двух широких, как трамвайные рельсы, полос. Арбуз ахнул от неожиданности и как-то сразу стал безразличен к происходящему. Я это почувствовал плотски, поскольку ягода сейчас находилась как раз под двумя моими ягодицами.

Глядя на торчащую из арбуза рукоять, обострившимся интеллектосознал я, что нельзя мне дергать ножом к себе, в свою сторону, поскольку жертв может оказаться сразу две в одном флаконе.

Я ловко крутанулся на широкой глянцевой спине и толчками повел нож от себя, прислушиваясь к сухому, электрическому треску. А потом, дойдя до поросячьего хвоста на арбузном заду, ловко пересел в обратную сторону. В этот самый момент и увидел свою персону, как в кинематографе, со стороны — вертящийся на арбузе старик в женском фартуке, с нехорошо горящим глазом и брутальным ножом в деснице!

Я от эстетического шока подпрыгнул, арбуз подо мною распался, и узрел я оба географических полушария Земли — Западное и Восточное, — сплошь покрытые сахарными искрящимися горами и грядами возвышенностей, в которых замерли вкрапления овальных косточек, похожие на черные глаза восточных красавиц, с любопытством взирающих на меня из глубин своего рубинового съедобного гарема! Вах-вах-вах!

На Восточное полушарие ушло ровно три дня. И три беспокойные ночи. Начал я с Джомолунгмы, выхватывая из самой середины восхитительные снежные вершины, заглывая их целиком, а затем отслеживая посекудно, как сладко и благожелательно атомизируются они во мне, очистительной волной катят по всему организму, отмывая захламленные, как московская канализация, сосуды и бодро ударяют в мозг умственным подзабытым задором!

После Джомолунгмы подобрался к вершинам гряды Каракорум, и к концу третьего дня, заканчивая с Гималаями в общих чертах, уже в темноте сунул голову в арбуз, потом свесился в него по грудь и шумнул, как в колодец: «Эге-ге-гей!» И эхо мне незамедлительно ответило: «А пошел-ка ты...» Крайних слов не помню.

Помню, что все шесть дней, которые я питался исключительно арбузом, цепко преследовало ощущение глобальной липкости тела. Думаю, я мог бы сотнями собирать на себя мух и прочих насекомых, если бы вздумал разгуливать по улицам. И это при том, что каждый из прожитых с арбузом дней я заканчивал в шипучем сугробе ванны! И ходил по квартире, как мясник, в фартуке, жалея приличную одежду. Фартук уже на второй день перестал сгибаться от передоза арбузного сока. Но это его судьба такая, фартука.

А я уже жаждал свободы! И когда на седьмой день, крадучись, в два захода вынес обе выеденные чаши, завернув их в старые клеенки, словно и, правда, прятал концы в воду, — внутренний мир устаканился. Ночью приснилась Малышева. Во сне она сказала: «Молодец! Хорошо промыл органы! Жить здорово!»

На десятый день позвонил Михаил и рачительно поинтересовался: «Арбуз-то съели?»

Не стал я его огорчать, что арбуз достался целиком мне, ответил вопросом на вопрос: «Какой арбуз?» Миша опешил: «Как какой, с Дона я тебе привез, забыл?»

— А-а! Эту крохотульку-то?

— Крохотульку?! — в голосе брата Миши обнаружилось столько искреннего изумления, что не смог я дальше поддерживать беседу, да попросту не мог говорить, а только рыдать, размазывая по щекам сладкие слезы счастья скромного нашего бытия...

КВАДРАТ ГИПОТЕНУЗЫ

— **Л**ожись спать! Вчера легла в два, позавчера в два, а вставать в семь. Сегодня ляг в двенадцать. Вот уложишь детей хотя бы в одиннадцать — и сама ложись.

Это я говорю жене, на которую мои слова действуют, как на мертвого припарки. Она не может справиться с собой, хотя за день выматывается так, что к ночи, глядя на меня, кажется, не сразу узнает. Глаза блуждают, ловят фокус и, наконец, ее улыбка говорит: а, это ты? Я тебя узна-а-ла.

Еще бы! К восьми утра она отвозит на машине в школу старшего сына. Возвращается за младшим и отвозит его — у них разные школы. Затем час спит и провожает на работу меня. А днем — карусель. Этого забори из школы и — на дополнительные занятия, следом второго и по другому адресу, потом собирает по очереди и — домой. Перекусили и — снова, один на музыку, другой на английский.

А затем уроки — с каждым. И опять кормить детей и меня, а значит, еще днем выкроить время для поездки в магазин и на рынок. Ужас!

Мне ее жалко. Время от времени я пытаюсь уложить ее раньше, потому что постоянный недосып неизбежно расшатывает нервы, и она нет-нет да срывается и на детей, и на меня. Но... ей же надо посмотреть по ящику какой-нибудь сериальчик? Ей же надо прочитать книжки, которые она любовно сложила у кровати в стопочку?

— Сегодня ляжешь в двенадцать! — твердо говорю я. — Ну, в полпервого, не позже!

И сам ложусь раньше, показывая пример. Она уходит в ванную комнату. Я знаю, там у нее лежит роман, который она читает исключительно здесь, лежа в теплой пене.

Я включаю телевизор и выключаю свет. Она любит, когда я ее дожидаюсь и в спальне не совсем темно. Боится темноты.

Проходит час. Два часа. Это я выясняю, внезапно проснувшись. Ее нет. Опять она увлеклась чтением и забыла о времени, обо мне, о своих обещаниях. Я выключаю телевизор и лежу в темноте, мстительно поджидая и обдумывая заранее прокурорскую речь. В половине третьего я, разозлившись, ложусь по диагонали всей кровати, этакой гипотенузой, занимая головой ее подушку, и теперь жду, как охотник. Мне интересно, как она себя поведет, наткнувшись на неожиданное препятствие в моем лице.

Без четверти три. Она крадучись входит в спальню и застывает над кроватью. Я слежу за ней левым глазом, в темноте ей меня не разоблачить.

Нет, она не стоит на месте в растерянности, а каждым своим движением как бы обнаруживает ход своих мыслей. Вот она наклонилась вперед и уже протянула руку к моему плечу (я на всякий

случай закрываю глаз), но рука замирает в воздухе, не дойдя до плеча, и я это успеваю увидеть, потому что от любопытства открываю глаз — я бы на ее месте так и поступил: тронул за плечо, разбудил, лег.

Но... она раздумала — на полпути руки. Тихо-тихо тронула ногу. Я «не проснулся», живо кося глазом. После того, как она отказалась от «моего», такого очевидного варианта, все остальное для меня стало превращаться в ее эксклюзивную импровизацию.

Итак, «нога» не сработала. И она вообще отбросила саму эту идею — будить. Осторожно присела на кровать. Боком качнулась в моем направлении. Я «прочитал» ее намерение — она, видимо, подумала, что может быть, как-нибудь все рассосется само собой, и вот она сейчас повалится боком на свое любимое местечко и наконец-то уснет. Но на ее любимом местечке лежал я, а точнее, верхняя часть моей коварной гипотенузы. И она это вовремя осознала, когда ее распущенные волосы уже почти коснулись моего лица. Она выпрямилась, а я, уже чувствуя, как заворочалась, закричала во мне совесть, вдруг поразился и умилился этому детскому жесту, его чистейшей наивности. Мол, вижу, что нельзя, но вдруг все же получится? Ведь бывают же чудеса?

Несколько секунд неподвижно она сидит в своем бермудском треугольнике — между двумя катетами кровати и лично хорошо знакомой ей «гипотенузой». Я чувствую ее растерянность, мучительное желание лечь и детское несогласие с таким вот идиотским тупиком!

«Страшная месть» за непослушание не только уже состоялась, а успела во мне как-то незаметно переродиться в очевидное чувство вины, а затем — в сочувствие, и потом — в сострадание.

И в то же время именно сейчас ей предстояло сделать последний и решительный выбор: будить или... что — «или»? Не гнездиться же, поджав ноги, в «подбрюшьи» моей гипотенузы?

И когда, вздохнув, она сделала первое движение все-таки прилечь там, внизу, я, не «просыпаясь», перевернулся на левый бок и не только полностью освободил ее половину, но и «щедро» отбросил за спину ее законную часть одеяла.

Утром, за завтраком, она посмотрела на меня и сказала: «Я тебя люблю». Она говорит мне это каждый день. Хотя бы один

раз, но говорит. Утром, днем (специально звонит на работу, чтобы донести до меня эту «новость»), говорит вечером. Сегодня вот, за завтраком. В течение почти всех тех лет, что мы вместе, а ведь это уже не десять, и даже не пятнадцать годин.

Вначале я отвечал ей с разной степенью дурашливого артистизма — «Врешь!» На разные лады. Она даже не отшучивалась, а просто говорила: «Не вру. Правда». В те, начальные, годы нашей жизни, я думал, что она это говорит, на самом деле подразумевая: «А ты меня любишь?» В смысле спрашивала о себе, утверждая обо мне. И потому со временем я как-то само собой стал реагировать проще: «Я тебя тоже». Хотя, честно сказать, признаваться в любви каждый день, это не по мне.

А вот в последние годы я начал подозревать, что говорит она — «я тебя люблю» — как бы убеждая саму себя в том, что в этой фразе пока еще не появился намек на вопросительную интонацию. И это предположение стало меня беспокоить.

Сообщив свою сегодняшнюю «новость» о чувствах ко мне, она, смеясь, стала рассказывать о том, как накануне ночью пыталась лечь спать. Рассказала очень даже точно, но так добродушно, что все в ее рассказе предстало милым и забавным приключением.

Конечно, я не выдал себя. Не хватало, чтобы она почувствовала себя жертвой «выдающегося» педагогического, а главное, супружеского эксперимента!

Но сам я эту ночь забыть не могу. Помню, лежал тогда в темноте с открытыми глазами, слушал, как она уютненько и с облегчением устраивается под одеялом, и думал: «Может, правда любит?» По крайней мере, я-то понял, что люблю еще больше...

ГЛАЗ КРОКОДИЛА

Вдоль набережной теплоходик расслабленно чапает, с легким джазиком из динамиков. На борту надпись «ЖЮЛЬ ВЕРН» и номер телефона. Большими цифрами, с любого берега рассмотришь. Как провокация — ну, типа, позвони Жюлю...

Ну, набираю. Три долгих гудка в трубке, четыре и... низкий голос, растягивая гласные, как гармошку: «Жю-юль Ве-ерн слу-у-у-ша-ет?» Именно с нагловатой вопросительностью...

Чуть трубку на асфальт не уронил! Мистицизм-то глубинный не спит, хоть и дремлет, сразу глаз открывает, как крокодил...

ИНТОНАЦИЯ

Дужка очков обожгла переносицу. Перед тем, как все крутанулось, сунул очки в сугроб...

Катька с криком: «Умри, шваль!» — по-бабьи выворачивая локоть, швырнула пузатую бутылку шампанского, точно гранату. Прямо вслед кособоко отбегающей, как подраненая ворона, девице, из-за которой я и снял очки. Бутылка с трудом пролетела над тремя телами, шевелящимися в снегу, как раки, и, не достав никого, бабахнулась о металлический заборчик, трогательно обнимающий детскую площадку, с шиком обдала снег праздничным содержимым, будто мочой...

Мы оказались тут случайно. Катька ни с чего заканючила: «Валерка, хочу, как у родителей было, — шампанское на качелях! Ищи двор какой-нибудь!» Мы объехали пару домов, нашли детскую площадку. Я оставил машину у въезда, пошли по диагонали, прямо к цели, перешагнули заборчик, пропахали тропу в сугробе. Я достал бутылку, посадил девушку на качели, широко размахнул. Она задрала сапожки к небу, пролетела мимо меня назад, и тут мы услышали женский вопль — совсем рядом, от лавочки в десяти метрах.

Там рисовалась картина маслом — у лавки в снегу перекатывалась с боку на бок женщина, а трое мужиков молча пинали ее ногами.

Я снял очки, сунул их в ближайший сугроб и затрусил к беспокойной лавке. Катька крикнула в спину: «Ты что, дурак? Стой!» ...

Когда я достал каждого по три-четыре раза, наступила слегка удивленная, восклицательная пауза. За которой последовала неожиданность: девица поднялась, рассмотрела композицию из трех

лежащих тел и, выставив перед собой наточенные ногти, с кошачьим визгом бросилась на мое лицо. Я рефлекторно вырубил и ее.

Подбежавшая Катька с непридуманной страстью крикнула: «Добей этих тварей! Добей!»

Я разглядел девицу — это была обычная дворовая «давалка», как мы звали таких в кучерявой юности. Уже испитая, с мокрыми, синюшными губами. Парни были крупные, но подниматься дружно не спешили.

Девка грязно, с искренней ненавистью заматерилась и стала, прихрамывая, отбегать. Вот тут Катька и метнула наш бутылец, завершая сюжет с романтическими качелями.

Я завез Катерину домой, но не пошел к ней, хотя она звала и звала.

Дома обмыл костяшки обеих рук от крови. Бил я мирян с двух рук, как «качал маятник с двух рук» Таманцев в любимом романе у Богомолова «В августе 44-го».

Заклеил ссадины пластырем, лег под лампу. С Катькой у нас все шло серьезно, четыре месяца шло. Все чаще я начал представлять ее в роли не просто увлечения. Она — уму непостижимо! — знала наизусть по-немецки целую главу из «Фауста» Гете! И иногда я просил ее почитать мне вслух эту главу, чтобы еще раз убедиться в реальности чрезвычайного факта.

Утром следующего дня первое, что вспомнил, было то, как моя Катенька кричала: «Добей этих тварей! Добей!» С таким чувством «Фауста» Катерина не читала! Интонационная гамма крика догнала меня только сейчас. И насторожила, опасно озадачила даже. Я понял, что не успокоюсь, пока не докопаюсь до самого скрипичного ключа, до самого си-бемоля, раз уж так. А сердце заныло, затосковало, словно уже наперед все знало и без меня...

ПОД МОКРЫМИ ПАРУСАМИ

Хорошо помню первые свои «человеческие» слезы. Не от физической боли. Мало ли шишек собираешь в начале пути?

Тут случилось другое «горе». Тут чужая жизнь, совсем не твоя, вдруг ударила о сердце, вырвала из него слезы! Почему это был «Спартак» Рафаэлло Джованьоли? Не знаю! Но оказался именно он, и я впервые заплакал над книжкой, окропляя ее финальные страницы, полный скорби и сочувствия к незнакомцу, ставшему вдруг почти родным... И даже позднее «идейно» записался в клуб «Спартак», и упрямо ездил на его стадион, хотя стадион «Динамо» был в два раза ближе от дома.

Со вторым «мокрым» чтением было еще хуже. Второй книжкой, закрепившей начало «человеческого» просыпания, оказалась волею судеб, повесть Алексея Свирского «Рыжик» — о невысказанных приключениях и мытарствах маленького приемыша-сироты Саньки, жившего еще при «ненавистном царизме».

На этот раз смерть фокусника Полфунта, тоже в финале книги, настолько растрогала неожиданно потянувшуюся к бескорыстному состраданию душу, что, выключив под одеялом китайский фонарик, исторг я реки слез, и чуть не утонул в них к рассвету, улавливая сквозь рыдания какую-то горькую, утешающую сладость сопереживательной муки.

Жила в нашем доме и особенная книжища, общая на шестнадцать квартир и тридцать три семейства. Большая, толстая, нарядная, передаваемая из двери в дверь, от малыша к малышу, как эстафетная палочка, — зелено-красно-золотистый сборник «Русские народные сказки», своего рода Библия детства.

Когда пришла моя очередь прикоснуться к этой «святыне», книга уже не могла закрываться — ее обложка и страницы вспучились мелкими, нервными волнами, картинки исказились от регулярного промокания и высыхания, а бумага перестала гнуться, словно вернулась в берестяной период. Потому что с этой книгой под одеялом засыпали все маленькие люди нашего дома. И встречаясь во сне с какой-нибудь кикиморой, делали от испуга мокрое дело прямо на раскрытые ее страницы. Словно наглядно скрепляя этим простодушным актом родовую общность предков с потомками.

Но, может быть, спонтанные ночные орошения были и мезью толстой книге за пережитые страхи и ужасы? Подсознательным ответом на вызовы буйного коллективного воображения отцов?

Сложный для меня пролегал путь между этими дорогами, разными книгами. Будто уводил он от языческого разноцветного буйства к одиночеству сосредоточения. Туда, где слеза, упавшая на страницу того же «Рыжика», перевешивает в памяти запруду коллективного моря, по которому плывет до сей поры от ребенка к ребенку красно-золотистый корабль с набухшими бумажными парусами...

НАНОТИГРЫ

Недавно оказался в гостях у друзей. На даче. Дача еще «советская», на шести сотках, дощатая, без туалета и отопления. Но зато участок в старых плодоносящих яблонях, вишне, смородине, крыжовнике, малине — чаща. Плодово-ягодные джунгли с крапивой и лопухами по строго отмеченному периметру забора-штaketника.

В первое же утро в душевой потянулся за полотенцем и оса, устроившая там засаду, чиркнула по груди и обожгла бок. В мгновение бок запылал волдырем. Волдырь болел и чесался дней восемь. Таков оказался укус осы. С детства застряла информация, возможно, и неверная, что пчелы, кусая, оставляют в жертве жало, а сами погибают. Осы же могут жалить, сколько захотят, и живут, пока им везет.

И вот вчера опять приехал к своим друзьям все на ту же дачу. За вечерним чаем вспомнил об осе и поделился своим изумлением — как же долго держался осиный укус! Мои друзья наперебой рассказали, что в щелях их дачи уже года три, как поселилось несколько осиных семейств, и житья не стало.

Два года назад они, доведенные до отчаяния криками внуков, которым и доставались основные страдания, позвали на помощь местного «терминатора» Яшу. Это был пятидесятилетний узбек, прижившийся в дачном поселке уже лет шесть. Яша приставил к «осиной» стене лестницу, зажал в обеих руках по баллону ядовитой химии, не касаясь лестницы руками, как цирковой артист, взбежал по ступенькам и без интеллигентских колебаний обильно затопил все осиные щели ядом.

— Два года ос не было. А в этом они полностью восстановились, их даже прибавилось, и они стали еще свирепее! — сообщили хозяева «радостную» новость.

На ночь мне посоветовали окно не открывать, но я не мечтал за городом провести ночь в духоте. За окном красовался старый сад, он благоухал.

Утром, открыв глаза, я услышал грозный зуд под потолком и совсем рядом, у оконного стекла — с моей, внутренней стороны. Их было не меньше десятка! Я живо представил, что со мной будет, если все это сурово гудящее семейство сейчас одновременно атакует.

На шкафу, прислонившемуся к кровати, я увидел подзабытые очертания газетных стопок. Газеты были разные, в том числе и еженедельные толстяки.

План был прост, как ослиный вопль. Накрывшись простыней, подобраться к стопке, выдернуть из нее газету, а дальше — как повезет!

Я ловко выдернул широкую газету, свернул ее и, в развевающейся простыне, как ужасный призрак осиной смерти, заметался между стен.

«Какая хорошая газета!» — подумал я, после удачного боя рассмотрев, что в руках у меня иссохшийся, но, как оказалось, вполне способный приносить пользу экземпляр газеты «Правда». Рожденный еще в СССР, в незабываемом 1991 году. Я поискал в этом экземпляре на последней странице примечание: «Редакция не отвечает за мнения своих авторов». И не нашел его.

«Ну что ж, "Правда", придется тебе ответить за все, и за смерть океанных ос тоже!» — с историческим сарказмом подумал я.

После завтрака я бездельно вышел за ворота и сразу же, нос к носу, столкнулся с соседом своих друзей, Виталиком. У того была симпатичная профессия — Виталик делал скрипки. Успеха Страдивари он не добился, но клиентов было так много, что Виталик через забор от моих друзей, на месте прежней своей дощатой «советской» дачки, отгрохал трехэтажный особняк и внаглую прирезал себе еще «народного» леса соток семь, а то и восемь.

Зная дружелюбную смешливость Виталика и его болезненную склонность к любому качеству юмора, я постарался в красках описать свои жесткие разборки с местными осами.

— Да это все Анатолий! — спокойненько подытожил мою эпопею скрипач Виталик.

— Какой Анатолий? — тупо не сообразил я.

— У нас один Анатолий — Чубайс! — как бы даже с обидой изумился скрипач.

— В смысле?

— В смысле? А в каком еще теперь смысле? Ясный корешок — в смысле нанотехнологий! Он же теперь на данном участке трудового фронта? Ему и сказано было в тандем амурскому тигру наделать этих нано. Вот и расстарался. Все Подмоскovie, считай, уже покусали! Сначала Борисыч на нас их испытует, а потом, говорят, полчищами на Москву двинет! Тучей на Кремль, понял? Это такой ему параллельный приказ пришел от Ротшильдов и Рокфеллеров! Данные насекомые — нанотигры, учти, главное теперь секретное оружие ихней «колонны»! Но ты пока об этом никому! Не надо пока...

На всякий случай я попросил Виталика тоже не трепаться про мои убийства нанотигров. Штук десять я их замочил. Прямо на ритуальную казнь смахивает, учитывая партийность печатного органа! А ведь это ж сколько за них Чубайс валюты запросит, если ему миллиарды дают на его наны? Да нищим по миру пустит! С детьми!

— Виталик! — крикнул я. — Никому! Будь человеком! Погибишь!

— Живи! — уже из-за высоченного забора отозвался Виталик. — Но учти, Серега, ты у меня на крючке!

— А совесть? — крикнул я из-за низкой штакетины.

— Давно нету! — самодовольно отвечивал Виталик...

МОЙ ВОДОЛАЗ

Младший (14 лет) сидит с планшетом все каникулы и что-то пишет, пишет, да так шустро, будто на пианино фугу играет! Лицо зеркально светится электронным светом. В ушах стереокляпы — меня не замечает, а я уже

третий раз окликаю: «Лёня!». Машу в пространстве рукой, но он чему-то усмехается, хмурится, хлопает себя по коленке — бурно существует! Наконец — «Что?»

Показываю ему — вынь затычки-то из ушей. Вынул. Лицо, как у водолаза, поднявшегося с глубины на поверхность, значительное и отстраненное.

— Не в курсе, что за тобой ЦРУ день и ночь шпионит?! — говорю ему. Лёня, как наша собака Буся, склоняет набок голову, пытаюсь понять, чего от него тут, на поверхности, хотят? — Наблюдают, говорю, за тобой через камеру в компе. Агент Смит — прямо из Америки, из Нью-Йорка наблюдает!

— Круто! — нарочито фальшиво радуется Леонид и стремительно погружается в электронную «глубину», топя там досаду на мою глупую помеху...

«ВИКИНГ» ИЛИ «КНЯЗЬ ВЛАДИМИР»?

Очень субъективно о фильме «Викинг» (реж. Андрей Кравчук, 2016 г. Россия). Семейный культпоход.

Младший сын Леонид (скептик, глобальный антагонист и адвокат обездоленных), выходя с фильма, за моей спиной (я к нему прислушиваюсь, к Леониду) проворчал: «Все вранье. И почему название "Викинг", а не "Варяг", например, или тот же "Владимир"?» Я прислушиваюсь к своему младшему сыну Леониду, ученику 8-го гуманитарного класса гимназии. Не только потому, что недавно за анализ стихотворения Чичибабина учительница по литературе чуть не «задушила» его «в объятиях». Он вообще умный. Я это понял, когда Леониду было близко к году, просто взглядевшись в его зоркие, насмешливые глаза. Тогда мне никто не поверил. Теща даже посмеялась над моим умозаключением — в смысле, ну да, конечно, парень еще соску сосет, а уже умный! Теперь не смеется.

Возразить Леониду с исторической и смысловой точки зрения на бегу не получилось бы, и потому я сказал: «Голливуду роднее

"Викинг", а не "Владимир", сынок. Ты уже большой, должен разбираться в тонкостях промоушна, проката и кинобизнеса!»

Наутро, разлепив глаза, я схватил с потолка мысль, которую накануне, после просмотра модного фильма, уже практически нащупал, — продюсерское кино.

Ну, конечно! Продюсерское кино! Крупные продюсеры сегодня не кино снимают, а воплощают КИНОПРОЕКТЫ, в которые большие деньги вкачиваются только при полной уверенности в финансовой состоятельности. Только под мощную рекламную кампанию, государственную поддержку, звездный актерский состав и самую современную компьютерную графику. А еще круче — и с сериалом на «своем» канале, после «съема сливок» с основного «паровоза» в киносети...

Что это могут быть за проекты? Правильно — проекты под хрущевским девизом: «Догнать и перегнать Америку!» То есть все тот же Голливуд. Доказать окружающему свету, что снимаем так же дорого и не хуже. Зрелищно, шумно и примитивно, точь-в-точь, как у «больших парней»!

Дальний прицел продюсерского «коллективного разума» — доказать, что мы в самом деле не хуже Голливуда уже сейчас, — а завтра выйти на миллиардные аудитории Китая, Индии, Ближнего Востока, шагая вместе «со страной» по газовым и нефтяным трубам. И в итоге дальновидных усилий — оттяпать у Голливуда сытое местечко хотя бы у себя дома, поближе к родному «кинокорыту».

Бесполезно спорить с тем, что кино — одно из мощнейших средств в борьбе тотального глобализма за мировое господство над усредненными умами человечества. И наш российский продюсерский клан участвует в глобализации мира со всем энтузиазмом мазохистов-неофитов! Вот откуда растут короткие ножки у режиссера Фёдора Бондарчука, снимающего под великим словом «Сталинград» — спекулятивную подделку про всемирно знаменитое сражение во Второй мировой войне. Бренд «Сталинграда» режиссер использует как бы поверх фильма. Теперь его представляют, как автора фильма «Сталинград», и название картины больше самого фильма в миллион раз! Фильм забыт, как боротание, а название звенит, как колокол, до сих пор. Это и есть

продюсерский ход. Вскоре Ф. Бондарчук осчастливит нас новым «проектом» — догоню Голливуд и перегоню его — о нападении чужой цивилизации из космоса на Землю. Свежо? Еще как! Голливуд, снявший на эту несвежую тему десятки блокбастеров, корчитя от приступов зависти!

Та же колбасня и с названием «Викинг». Бренд «викингов» пятый сезон раскручивается известным канадско-ирландским сериалом, подсесть на чужой хвост — привычное дело. Да и идейная подсказка в самом названии не излишняя — мы же все лучшее откуда получаем? Правильно — оттуда! Роль, которая отводится в фильме иностранным влияниям на «немытую» Россию, — определяющая, от варягов до Византии. И это не идеологическая диверсия со стороны продюсерской команды — полагаю, они действительно так думают. И есть к тому основания. А то!

Но я не собираюсь, как многие посмотревшие фильм, цепляться к частностям. Для себя я вычленил два определяющих момента, которые с фильмом лично меня могут как-то примирить.

Это, конечно, слезы великого князя Владимира. Он не случайный единственный в фильме человек, который впервые проливает слезы не от боли, а — из раскаяния и сострадания. Вот точка, с которой началось в Русском государстве великое пришествие Христа. Раскаяние и сострадание! В фильме это ключевая духовная сцена. Ключевая! Так и снятая.

Абсолютно совпадающая, к слову, с мыслью Василия Розанова: «Кто никогда не плачет — никогда не увидит Христа. А кто плачет — увидит его непременно. Христос — это слезы человечества...»

И еще одно личное переживание. Фильм весьма доходчиво показывает, из какой чудовищной грязи и крови возникают великие империи и государства. Какой страшной ценой даются победы. И как же мы — нынешние — ответственны за все, что досталось нам от прежних поколений? Какое низменное преступление творят те, кто в корыстных целях ослабляют Россию, поднявшуюся на такой боли и жертвах!

По-моему, сегодня и этого достаточно, чтобы сказать создателям фильма свое скромное спасибо. К тому же не надо забывать, что перед нами не строго исторический фильм, не документальное

исследование, а картина, снятая в приближении к «фэнтези», со всеми вытекающими отсюда голливудскими составляющими. Включая самый топовый актерский состав из киношной молодежи... Да может оно и правильно, что ближе к фэнтези? Кто же выдержит всю реальную правду о Владимире, учитывая его канонизацию? А фильм, между прочим, предполагает, что именно выстраданное принятие христианства сердцем духовно перерождает Владимира и открывает путь к святости... Да-да, именно!

Говорят, уже сейчас доходы от картины перевалили за миллиард рублей.

Нынче это и означает — «удачный проект». И победителю, если рассудить трезво, чихать, кто и как его судит...

ПОСЛЕДНИЙ РЕДУТ ОЛЕГА КУВАЕВА

Посмотрел современный фильм Александра Мельника «Территория» (2014) по роману писателя Олега Куваева. Даже не знаю, какими словами сказать-то.

Кино высокого класса, вот и все!

Куваев напомнил в давнем уже одноименном романе о главном — о смысле человеческого существования. Собственно, о том самом, о чем сегодня в кино и прочих искусствах не говорят, похоже, принципиально. Написана его вещь при Советах, а уже тогда провидчески Куваев почувствовал, что наступает разрушительная эпоха «приобретателей-потребителей», и — выставил в романе им навстречу, как защитный редут, своих героев. Людей потрясающей внутренней красоты и цельности, не задумывающихся о себе, когда «за други своя» жизнью рискуют и гибнут. Людей, ищущих золото не только в земле, в себе тоже. И Родина — общая для них, одна на всех безусловная ценность, которую обретают в труде и страданиях, как высокий смысл, а не как территорию... К слову — природа в фильме фантастической красоты! Глаз не оторвать от нашей земли!

Фильм о «совках» и «ватниках», как нынче любят выражаться неумные и неблагодарные люди, сделанный впервые на постсоветской памяти — с таким осознанным уважением к советской эпохе. Фильм, конгениально передающий литературную основу. Если бы чаще в нынешнем кино опирались на лучших писателей СССР, глядишь, и забылись бы со временем поганые словечки «совок» и «ватник».

Да, к слову же, а с какой такой радости все это богатство, добытое ценой жизнью совсем других людей, теперь в руках кучки ловких дельцов? Такой вот «наивный» вопрос накрывает в финале просмотра...

КРЫМСКАЯ СТАРУХА

Я оказался в Крыму через год после его возвращения в Россию. Приехал наобум, в незнакомый затрапезный поселок на берегу любимого Черного моря, надеясь найти и кров, и место под солнцем, не отполированное стадами отдыхающих тел. И вот, подставляя раскаленный лоб вечернему, говоря красиво, бризу, распугивая пыль модными мокасинами на самой шумной, шашлычно-мохитовой, а главное — освещенной улице, я и увидел эту старуху впервые. Поймал боковым, натренированным зрением водителя, как открылась металлическая калитка в зеленых воротах, показалась оттуда сначала рука с палкой, потом нетвердая нога, а затем выдвинулась и вся старуха.

Она замерла перед воротами, словно привыкая к свету и шуму суеты, слепо нащупывая концом палки перед собой твердую точку. И, нащупав, двинулась к улице. Улица орала навстречу ресторанами, прижавшимися друг к другу, как зубы, катила мимо машины, расслабленную толкучку приезжих людей, замешивала в ком бензиновую вонь, дым мангалов, смех, крики, какофонию дерущихся музыкальных ритмов и праздничную истерику всюду подмигивающих, сверкающих световых гирлянд, опутавших улицу своими сетями, как рыбу, вытащенную на берег.

Меня заорожило зрелище самого этого движения старухи к уличному вертепу. Величественная его сосредоточенность, словно это движение и было целью, а не улица, к которой оно подвигало хозяйку. Когда старуху, наконец, окатили огни, увидел лицо, и подумалось, что, возможно, ей больше ста лет.

Я остановился в тени дерева на другой стороне. Она взялась рукой за изгородь летнего кафе и медленно поводила головой влево, вправо, не выражая ни на йоту какого-либо чувства. Просто смотрела.

Наверное, похоже смотрит луна в черную воду лесного озера или на дно колодца. Какие у луны чувства? Чувства у того, кто, как я, наблюдает сам этот взгляд, даже если не в силах проникнуть в его тайну. Ведь должна же быть тайна у того, кто смотрит? Даже если смотрит рябая, как переболевшая оспой, луна?

С каким-то мистическим беспокойством разглядывал я старуху, соглашаясь с самим собой, что она смахивает на динозавра, выползшего к людям на «огонек» из доисторических эпох, и явилась не просто так, а с опытом исчезновения.

Однако, глядя на повязанный у горла платок, неопратно торчащую ночную рубашу из-под байкового, в синих цветах халата, не трудно было догадаться, как она доживает свой век в одиночестве. Без понимания и сочувствия давно ушедших ровесников, на досадливом для внуков и правнуков попечении, если дал бог. И вдруг представилась горечь ее угасающей жизни! И значимость пока еще возможных визитов сюда, к людям.

Минут пять она равнодушно стояла у кромки тротуара, потом, словно по сигналу внутреннего таймера, медленно развернулась и пошла назад. Я проводил ее взглядом до ворот. Старуха толкнула дверь, пропустила вперед себя палку и пропала во тьме...

Почему-то долго помнил ее, вернувшись в Москву.

А оказавшись через год на той же улице, проходя мимо знакомых ворот, встрепенулся: «Жива ли ты, древняя бабушка?»

Но она не выходила из зеленых ворот и день, и два... и я решил, что все...

И вот в последний свой вечер, праздно фланируя по уже полупустой «бродвейной» улице, увидел еще издали знакомую

фигуру. Жива! Жива крымская старуха! Стоит на том же месте, в том же халате, в том же платке!

Будь я совсем дурачком, пожалуй, бросился бы и обнимать ее — так тронуло, что пережила она и унылую зиму, и палящее лето, и что вышла, словно бы проститься со мной...

Я достал фотоаппарат, стал издалека, по нынешней моде, снимать ее на память. И почему-то решил, что это хороший какой-то знак, наша встреча, может, сулит он мне непонятную пока надежду?

Она неожиданно потянулась ладонью к круглому фонарю на ограде, как будто намереваясь погреть руку в электрическом огне, и вдруг огладила шар очень привычным движением, каким ласкают головы малышей.

В номере, просматривая на камере снимки, приблизил, увеличил ее лицо, которое не мог хорошо разглядеть на темной улице, и испугался мертвости глаз. Словно старуха, правда, уже не здесь.

Один жест выдал ее, что жива она, не забыла, помнит, как была матерью, бабкой, прабабкой...

НАУЧНЫЕ ПРИМЕТЫ

Похоже, ворон в Москве пока меньше, чем людей. У нас во дворе есть дерево — разлапистая старая береза, под которой круглый год свободно одно чудесное машино-место. Это при жесточайшем дефиците парковки! Все автомобили двора прошли под этим деревом школу публичного унижения. Мой бензиновый дружок не стал исключением. И теперь, как и прочие соседи-старожилы, с интересом наблюдаю за реакцией очередного залетного гастролера, клюнувшего на свободное местечко, а по утру нашедшего «коня», полностью перекрашенного коварным и могучим семейством вороньих в один для всех растяп цвет — цвет птичьего помета. Надо видеть, с каким омерзением, брезгуя испачкаться, пытаются открыть водительскую дверь «счастливики», не верящие, что за одну ночь можно настолько обгадить полноразмерный седан!

Однажды пришлось наблюдать, как пытался открыть авто ногой, сняв ботинок, а затем носок, случайный заезжий молодец. Он норовил сделать это пальцами ног. И сразу стал чемпионом в дворовом рейтинге неудачников!

Каждый раз, когда я иду по ближайшему оазису хлорофилла, непременно попадаю на участки асфальта, где нет живого места от вороньих автографов, и спешу проскочить их, благо-разумно не поднимая головы.

Если бы ворон в городе было больше нас, мы все приобрели бы одну общую масть и благополучно перестали различать друг друга. Хичкок в своем знаменитом фильме «Птицы» не прав — воронам не обязательно нападать на людей, чтобы захватить их территорию. Достаточно просто всех загадить с ног до головы. И, в качестве вишенки на торте, морально восторгаться над гомо сапиенсом — всего лишь этим простейшим финтом!

Чего только не приходит в голову, когда бредешь, принимая парад деревьев, вытянувшихся вдоль дороги во фронт! И вот с удивлением припомнилось, если уж закругляться про птичек, что за все мои немалые годы только пару раз стал я жертвой их снайперской бомбежки. За всю жизнь два раза! Да это величина, стремящаяся к нулю! Вон как под ногами пестро от птичьих художеств.

Противоречу сам себе? Может, птицы все же, наоборот, из врожденной деликатности стараются, как могут, не попасть в человека? А оттягиваются на памятниках и железных колесах? В порядке компенсации?

Но случился однажды, можно сказать, почти мистический контакт все с той же вороньей ОПГ. Помню, как в юности мчался на своем любимом спортивном велике «Спутник», вцепившись в закрученный, словно бараньи рога, руль, и вдруг мелькнула надо мной стремительная тень, и ворона спикировала на мою голову, обдав веером крыльев. Я почувствовал, как ее когтистые птеродактильные лапы вошли на мгновение в модный причесон, царапнули кожу на затылке, и ворона резко ушла вверх, в сторону, словно поняв, что не сможет поднять меня в воздух даже без велосипеда, а я мгновенно вспучился мурашками, как газировка, и замерз, как эскимо, от inferнального страха!

О чем знак? Предупреждение? Или обещание перемирия в отдельно взятом (то есть, со мной) случае? Ведь это же чудо — прожить более полувека бок о бок с вороньим царством и ни разу не попасть под их раздачу. Те два упомянутых мною неприятных инцидента вполне можно списать на голубей, воробьев, например, или синичек, ласточек и даже соловьев, которых я специально выслеживал по весне, дабы прослушать.

Вот я иду обычным своим прогулочным маршрутом и, как пытливый дилетант с научными задатками, всматриваюсь во встречных горожан. Интересны только женщины, независимо от возраста, будь то девочка или пожилая дама. На них я каждый раз проверяю свою давнюю догадку — женщины чувствуют мужской взгляд на любом расстоянии и бессознательно на него реагируют, быстро определяя, от кого он исходит.

Это открытие — мое личное ноу-хау. Даже если запатентовано миллион раз другими!

Меня искренне восхищает эта способность женщин. Она, конечно, врожденная. Мужики реагируют на посторонние взгляды хаотично, случайно, бессистемно, сами навязчиво зыряка по сторонам.

И вот первое доказательство про мужиков: навстречу мне катит на «собянинском» велосипеде явно прижившийся в столице гражданин из Средней Азии, молодой и озабоченный. Он отслеживает всех попадающихся ему женщин, как камера ГИБДД, в режиме онлайн. Издалека гость столицы похож на жука, потому что растопырился локтями, коленями, а головой вертит в унисон педалям.

Подъезжает к скамейке, с которой уже я веду свое научное наблюдение, в том числе и за ним, соображает, насколько некомплементарно я сканирую его из-под длинного бейсбольного козырька, и мгновенно гасит свой пылающий взор Ромео, отъезжая от меня с застывшей головой и остекленевшими очами. Теперь, когда удаляется, он похож уже на водомера, тоже жука, конечно, но безобидного, как божья коровка.

Впрочем, мысли вновь возвращаются к волшебным способностям женского организма. Клянусь, видел, как проходящая мимо машины дева, которая не могла засечь меня внутри са-

лона, почувствовав взгляд, стала озираться и втягивать живот.

Скажу еще более научную мысль — даже совсем маленькие мадемуазели реагируют на взгляды в свою сторону, и даже не видя, кто смотрит, и даже не поднимая глаз, меняют поведение, неуловимо корректируя его в сторону игры.

А вот эта женщина, похоже, настолько не уверена в себе, что, приближаясь, выталкивает на лицо агрессию, как бы заранее полагая, что не может понравиться, а значит, смотрящий на нее мужчина — заранее враждебен ей и неприятен. Зачем, мол, смотреть, коли не нравлюсь? Поиздеваться только? Вот какая тут логика, если совсем уж по-научному обобщать это мироощущение.

Разворачиваюсь и иду обратно. Жара ушла, вышли собачники. Собачки на любой вкус. Они тут главные, уступаю им дорожку. В воздухе появляется неизвестно откуда мельтешащая тля, мелкая суетливая мошка, лезущая в нос, рот. Вспомнился скандальный роман Ивана Шевцова с таким названием — «Тля». Вывалился он из писательского портфеля, написанный в 1949 году — в 1964, на волне хрущевского погрома художников-абстракционистов в Манеже. Роман наделал своей очевидной одиозностью много шума, поскольку под тлей подразумевалась автором интеллигенция «оттепели». Хрущевское время укусило этим романом — само себя! Никита Сергеевич оттепель с «шестидесятниками» породил, а в конце карьеры — грубо сорвался на личное свое детище, да еще и припечатал убогим во всех смыслах романом. Ирония истории, однако!

Странно, заметил любопытную закономерность — какой бы огромный ни был парк, но, если в нем есть хотя бы три человека, они обязательно, неотвратимо сойдутся в одной точке, как на перекрестке. Если вы подходите к пересечению двух дорожек, то не сомневайтесь — сейчас обязательно откуда-нибудь материализуется человек и перед вашим носом пересечет дорожку. В практически пустом городе, на пустой улице, в пустынном парке... Проверить научность именно этого моего наблюдения проще простого. Желаю успеха.

А я дошел до ручки, пока что, слава богу, на двери дома. И без видимых повреждений от пернатых! Между прочим, воробы — мастера подсматривать, подглядывать, а ворона смотрит, и если смотрит на тебя, то в глаза. Не любит компромиссов...

НОВЫЙ МАЛЬЧИК

... Э тот незнакомый мальчишка напомнил мне младшего брата Ванечку. Я увидел его на Ленинском проспекте в Москве. Он шел той же дорогой, какой возвращался каждый день из школы Ваня, спускаясь по проспекту вниз, в сторону Калужской Заставы, теперь — Площади Гагарина.

Чем напомнил, сразу не скажешь, внешне не сильно-то и похож. Брат в таком же, десятилетнем, возрасте был пепельным блондином с завивающимися на висках и чубе волосами, этот нет, шатен, не схож и чертами лица, но по отрешенности, не детской, серьезной погруженности в себя, сутулости, походке...

Редкое внутреннее сходство! Ведь поэтому же, наверное, сразу вспомнил, представил Ваню. И ужасно защемило сердце по брату! Вот его нет уже на Земле, а тем же путем, мимо тех же домов, одиноко бредет такой же новый мальчик, и что ждет его впереди, совершенно не знает! А я уже знаю, что было с моим дорогим братишкой, ходившим точно так же здесь пятьдесят лет назад.

И меня перекрутила жалость к этому чужому ребенку! Страшная тоска и печаль — от того, что он может встретить в своей будущей жизни страдания, подобные тем, что пережил мой брат. И от понимания, как он незащищен перед судьбой. Совершенно незащищен! Так же, как когда-то мой младший брат.

Так я шел и шел по проспекту Ваничкиным маршрутом, вспоминал его жизнь, горькие последние месяцы, свернул в боковую от проспекта аллею. В конце аллеи солнце жгло деревья, указывая на выход из туннеля. Двинулся к этому пожару, он отступал, отодвигался, я догнал, вошел в солнечный огонь, чувствуя, как всю дорогу северный ветер пытался меня остановить, толкал в грудь, продувал аллею насквозь, как зеленую дуду. Развернулся обратно, но ветер мистическим образом развернулся вместе со мной и дул прямо в лицо...

КАНАДКА

Сегодня разобрали елку, хотя стоять она могла еще месяц. А то и больше — на полу вовсе не оказалось осыпавшихся иголок. Кто-то может сказать, что это враки, так, мол, невозможно. А возможно — елка канадская, импортозамещение отечественных «дровишек». Подарила теща. А теще подарила добрая самаритянка — целых две! На кой ляд теще вторая? Отдала нам. Ту, что поменьше. А это для нас в самый раз.

Первые впечатления от иностранки были яркими — елка по форме абсолютно идеальная, картинно-пушистая, с более длинными, чем у наших, иголками, что-то среднее между елью и сосной, но при этом — совершенно не колкая, мягкая, как лиственница. Когда с нее стащили зеленый, сетчатый чехол, она враз превратилась в бальную даму, расправила воздушное платье.

В тамбовском детстве новогодними елками были в основном колючие сосенки, потому что леса вокруг Тамбова сплошь сосновые. Длинные иголки по мере высыхания, становились острыми, как швейные иглы. Запросто втыкались в пальцы до крови. И вот на тебе, дожили до канадки! Сам факт слегка потряс — тащить из Канады в Россию елку?! Купеческо-торговый разврат просто какой-то! Но зато — канадка совсем не пахла. Никакого такого удовольствия, чтобы потянуть носом воздух, зажмуриться и сказать: «Как елочкой пахнет!»

— Генная инженерия, наверное. Скрестили ель с кроликом, и вот вам пушистая толстуха! — предположил я.

Но пришло время ее разбирать. Сняли игрушки, а она стоит, как новенькая, только веточки опустились, пообвисли, как кроличьи уши.

Младший сын Леонид был назначен «выносящим». Вернулся он с улицы заметно взволнованным. Я отозвал его в сторонку и спросил, в чем дело.

И Леонид признался, что, когда воткнул елочку в сугроб у железного ящика для мусора, она вежливо прошептала на английском: «Спасибо, мальчик...»